

С. П. ПОЖАРСКАЯ

ФАШИСТСКАЯ ФАЛАНГА В ИСПАНИИ *

ФАЛАНГА У ВЛАСТИ

29 сентября 1936 г. военная хунта мятежных генералов в Бургосе провозгласила Ф. Франко главой «правительства» и командующим вооруженными силами. 1 октября Франко подписал свой первый декрет от имени «главы государства». Было немало причин, способствовавших победе Франко над его менее удачливыми соперниками. Среди них не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в глазах своего окружения Франко был тем лицом, кому удалось восстановить связь с Гитлером и Муссолини, утраченную, казалось, после гибели генерала Санхурхо в авиационной катастрофе 20 июля 1936 г. Как свидетельствовали итоги гражданской войны, к концу июля — началу августа без вооруженной поддержки фашистских держав успех мятежников был более чем сомнителен.

Первые попытки Франко добиться разрешения на поставку оружия через официальные каналы гитлеровской Германии успеха не имели. Военный министр рейха, которому немецкий военный атташе в Париже передал просьбу Франко о закупке десяти транспортных самолетов, отнесся к этому весьма отрицательно. Министерство иностранных дел Германии разделяло позицию военного министерства. «Известия о том, что мы поставляем оружие мятежникам ... могут иметь чрезвычайно серьезные последствия»¹, — писал начальник политического департамента германского министерства иностранных дел Дингоф. Тогда Франко решил действовать через нацистского лидера в Марокко Лангенхайма, с которым его свел фалангист полковник Ягуэ. 22 июля Лангенхайм вместе с немецким дельцом И. Бернхардом вылетели в Берлин с личным письмом Франко Гитлеру и Герингу². 25 июля вечером после совещания, на котором присутствовали Геринг, генерал-полковник Бломберг и адмирал Канарис, было решено удовлетворить просьбу Франко. Через два дня первые 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» уже вылетели в Тетуан. То обстоятельство, что прямой контакт с руководителями «третьего рейха», принесший ощутимый результат, был установлен при прямом посредничестве фалангистов, резко подняло их престиж в глазах Франко.

«Самый ловкий среди военных» (так характеризовал его в свое время прожженный делец, мультимиллионер Хуан Марч), Франко не был профессиональным политиком. Его имя не встречалось ни среди депутатов кортесов, ни в списках какой-либо из многочисленных испанских партий. Бравлируя своей непричастностью к «безответственным» политикам, «доведшим страну до катастрофы», генерал утверждал, что все его помыслы направлены на возрождение «национальной славы» и на «сдинение» испанской нации. Но эти громкие слова лишь маскировали твердое желание крупных капиталистов и латифундистов отвлечь испанский народ от освободительной борьбы, увести его с дороги революции в трясину национализма. Пытаясь возвести националь-

* Окончание. Начало см. в № 5 нашего журнала за 1972 г.

¹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945» (далее — DGFP). Series D, vol. III. London, 1950—1964, p. 9—11.

² M. M e r k e s. Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieges 1936—1939. Bonn, 1961, S. 20.

ную спесь и ксенофобию (ненависть к иностранцам), присущую испанской аристократии, в ранг черты «национального характера», Франко неустанно повторял, что Испания будто бы всегда страдала из-за заблуждений «интеллектуалистов» и подражания иностранному. Но для упрочения власти одних этих заклинаний было мало. Франко отдавал себе отчет, что времена верхушечных пропунциаментов (переворотов) прошли, понимал, что необходимо еще обрести и массовую базу.

В его окружении идея создания блока всех консервативно-националистических групп не вызвала сомнений. Разногласия возникли по вопросу об идеологической ориентации этого блока. Офицерский корпус противился любой невоенной политической силе. Для настроения военщины было весьма типично заявление ярого приверженца Франко полковника Кастеха. На вопрос, кого он предпочитает — фалангистов или рекете (традиционалистов), полковник ответил: «Франкистов»³. Николас Франко, брат диктатора, был одним из первых, кто обратил внимание на фалангу как основополагающий компонент будущей федерации всех реакционных сил мятежной зоны страны.

Обращение Франко к фашистской фаланге часто объясняют как попытку укрепить союз мятежников с Германией и Италией и в политическом, и в идеологическом аспектах. Однако это вызывалось не только надеждой на дальнейшее укрепление союза с державами «оси». Франко и те, кто за ним стоял, пытались упрочить свои позиции, возлагали большие надежды на фашистское движение с его системой централизованного подчинения массовых организаций, с его безудержной демагогией и воинствующим национализмом, способными, как свидетельствовал опыт Германии, развратить неискупленные в политике умы и сердца, прежде всего молодежи. Франко, помимо всего прочего, привлекал в фашизме принцип «фюрерства». Посол гитлеровской Германии Фаупель не скрывал, что хотел бы видеть «националистическую» Испанию «политически унифицированной» на фашистской основе. По его мнению, «националистическому правительству явно недоставало ярко выраженной идеологической ориентации»⁴. Он поддерживал регулярную связь с руководителем фаланги М. Эдильей, который неоднократно посещал посла. Фаупель убеждал Эдилью не противиться созданию единой государственной фашистской партии, куда бы вошли все сторонники режима, соблазняя его перспективой партийного лидерства. Однако Эдилья и его окружение, уповая на поддержку фашистской Германии, упорствовали в своем нежелании делить власть с кем бы то ни было. Между тем позиции самого Эдильи в фаланге в то время были весьма шатки. Против него активно интриговали различные группы внутри фаланги.

В марте 1937 г. в Саламанку прибыл Р. Серрано Суньер, бывший лидер «Молодежи народного действия». Он находил признание и у членов монархического «Испанского обновления», был своим человеком в «Конфедерации правых автономных организаций Испании» (СЭДА). Сам Суньер считал их идеи архаичными, обращенными лишь к прошлому Испании. Программа фаланги представлялась ему более приспособленной к новой эпохе. Но в то же время многие идеи национал-синдикализма он находил слишком демагогичными и посему неприемлемыми для испанского бизнеса и землевладельцев. По его представлению, фаланга должна была стать государственной партией националистической Испании, пройдя реорганизацию на твердой консервативной основе⁵. К этому времени стало уже известно, что Хосе Антонио Primo де Ривера расстрелян республиканцами в Аликанте 20 ноября 1936 г. О. Редондо, Х. Руис де Альда также были мертвы, а Ф. Куэста все еще находился в мадридской тюрьме (был выпущен оттуда в октябре 1937 г.). Оставался М. Эдилья, но он не представлял серьезной опасности как соперник в борьбе за власть⁶. Это обстоятельство еще больше подняло цену фаланги в глазах Франко и Суньера: в их распоряжении была организация с готовой программой, многие положения которой им импонировали (например, доктрина об «империалистической миссии» Испании, о диктаторской власти как орудии пресловутого «национального единства», о корпоративной системе национальных профсоюзов,

³ S. P a y n e. Falange. A History of Spanish Fascism. Oxford, 1962, p. 148.

⁴ DGFP, vol. III. p. 277—279.

⁵ R. Serrano Suñer. Entre Hendaya y Gibraltar. Madrid, 1948, p. 19—32.

⁶ DGFP, vol. III, p. 267—268.

призванной держать под контролем экономическую и социальную сферу). И эта организация фактически не имела вождей! Необходимо было заручиться поддержкой верхушки фаланги, используя для этого вражду между сторонниками и противниками Эдильи. Что же касается участия самого Эдильи, то для его смещения Франко считал необходимым заручиться согласием послов Италии и Германии, которые оказывали Эдилье поддержку (Франко нуждался в помощи фашистских держав и предпочитал избегать излишних трений).

11 апреля 1937 г. он встретился с Фаупелем. Темой беседы, продолжавшейся два часа, была фаланга и предстоявшие 18 апреля выборы ее национального «вождя». Серьезных претендентов, кроме Эдильи, на этот пост не было. О нем и шла речь. Франко объявил себя самым горячим приверженцем идей фаланги и попытался развеять какие бы то ни было сомнения Фаупеля на этот счет.

Вряд ли Франко мог знать о том, что за несколько дней до упомянутой встречи итальянский посол Канталупо в донесении в Рим с уверенностью писал, что «немцы поддерживают не Франко, а фалангу». Перед тем как покинуть Испанию, Канталупо беседовал с германским послом и пришел к выводу, что «Германия ставит условием поддержки Франко передачу им всей политической власти фаланге перед тем, как он войдет в Мадрид»⁷. Хотя Франко хорошо был осведомлен о том, что гитлеровцев не устраивает его тесная связь с монархистами и католической иерархией, тем не менее он сообщил Фаупелю о своем намерении слить фалангу с монархическими группами и лично возглавить эту «объединенную партию»⁸. Армия была всесильна в мятежной зоне, и Франко был уверен, что это обстоятельство подскажет Фаупелю «здоровое» решение. И он не ошибся.

13 апреля Фаупель встретился с представителем зарубежной организации нацистской партии и представителем итальянской фашистской партии Данци, и они решили, что, «несмотря на все их расположение к фаланге ... в конфликте между Франко и фалангой, они поддержат Франко»⁹. События последующих дней ускорили развязку: 16 апреля на внеочередном заседании политической хунты притязания Эдильи на пост национального лидера фаланги, по его собственным словам, поддержали только три члена политической хунты из семи¹⁰. 18 апреля участь его была решена окончательно: из 22 членов Национального совета фаланги за Эдилью проголосовали только 10, 8 предпочли бросить пустые бюллетени, 4 проголосовали против. Для Франко не оставалось сомнения в том, что в фаланге царит разброд. Настало время действовать без промедления.

На другой день с балкона епископского дворца в Саламанке, где находился тогда генеральный штаб мятежников, Франко провозгласил декрет о слиянии всех реакционных партий в единую «Испанскую традиционалистскую фалангу и ХОНС». При этом каудильо дал понять, что речь идет не о передаче власти фаланге, а о подчинении ее государственным целям.

«Национальным шефом» фаланги Франко назначил самого себя. Милиция фаланги и рекете сливались в единую национальную милицию, выполняющую роль вспомогательных воинских частей. Много лет спустя Эдилья обвинил Суньеру, одного из авторов декрета, в том, что тот-де «продал фалангу Франко»¹¹. Однако в тот день он сам стоял на балконе рядом с каудильо и как будто бы с удовлетворением принял назначение на пост председателя политической хунты новой фаланги. Между тем Эдилья не мог не разделять недовольства большинства членов «старой» фаланги: фалангисты рассчитывали на передачу им всей полноты власти. Совсем недавно это недвусмысленно обещали Эдилье послы фашистских держав. Власть над страной, как им казалось, такая близкая, ускользнула из их рук. Особое недовольство у фанатичной и разнузданной фалангистской «вольницы» вызывало подчинение милиции армейскому командова-

⁷ DGFP, vol. III, p. 269; P. Serrano Suñer. Op. cit., p. 130—131.

⁸ Ibid., p. 267—269.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Один из членов хунты утверждал, что Эдилья получил всего лишь один голос — свой собственный. — S. Pau e. Op. cit., p. 166.

¹¹ Переписка между Суньером и Эдильей нелегально издана в 1947 г. Цит. по: B. Nellessen. Die verbotene Revolution. Hamburg, 1963, S. 200—201.

нию. Франко и Суньер не принимали всерьез эту первую отрицательную реакцию «старых» фалангистов. В дальнейшем же для предупреждения каких-либо эксцессов пришлось принять превентивные меры: в ночь с 24 на 25 апреля Эдилья и 20 ведущих фалангистов были арестованы и по обвинению в заговоре против каудильо предстали перед военным судом. Эдилью и еще троих фалангистов осудили на смертную казнь, которую затем заменили длительным тюремным заключением¹². Остальных Франко и его окружение рассчитывали «подкупить», включив их в бюрократическую иерархию создаваемого «нового» фашистского государства.

Дом сестры основателя фаланги Пилар Примо де Ривера в Саламанке стал своего рода штаб-квартирой «старой фаланги». Именно здесь состоялись переговоры между посланцем Франко Серрано Суньером и представителем фалангистов Д. Ридруехо, 24-летним «хефе» («вождем») провинции Вальядолд. Фалангистам были обещаны партийные посты и «теплые» места в административном аппарате «нового» государства, а также сохранение принципов фалангистского движения, которые были «священными» для Примо де Ривера¹³. Взамен фалангисты обещали свою поддержку. 4 августа 1937 г. был опубликован декрет о структуре руководящих органов фаланги. По статуту новой фаланги в целом сохранялась ее прежняя структура, за одним весьма существенным исключением: вновь было подтверждено положение декрета 19 апреля, что принцип выборности «национального шефа» отменяется. Этот пост Франко, который уже был и главнокомандующим, и «главой» государства, предпочел оставить за собой.

Новая фаланга не была прочным блоком. Мадридский корреспондент берлинской газеты «National Zeitung» даже в июле 1940 г. обращал внимание на то, что «монархотеократическая программа рекете находится в резком противоречии с идеалами фашистов»¹⁴. Генерал Аранда в беседе с полковником германского генерального штаба Крамером в июне 1939 г. заметил: «Проведенное Франко объединение национальных партий не дало желаемых результатов, так как здесь столкнулись друг с другом огонь и вода, получилось объединение, в целом представляющее компромисс бесспорно плохого свойства». В январе 1939 г. правительственным декретом была введена обязательная форма для новой фаланги — голубые рубашки, которые носили «старые» фалангисты, и красные береты — принадлежность официальной формы рекете. Аранда, смеясь, рассказывал Крамеру, «как одни ходят с поднятым воротником пиджака, дабы спрятать форменную рубашку другой партии, а другие, наоборот, выставляют напоказ рубашку, но зато носят под мышкой красный берет, чтобы его не заметили. Уж по одним этим внешним мелочам убеждаешься, что о каком бы то ни было единстве не может быть и речи»¹⁵.

Среди членов новой фаланги не было единства и в вопросе о месте католической церкви. Хотя большинство «старых» фалангистов выступали как антиклерикалы¹⁶, в фаланге было немало и тех, кто с удовлетворением в свое время воспринял интервью М. Эдильи, опубликованное в «*Argita*» 6 января 1937 г., где он противопоставлял «языческий культ отечества и расы» в иностранных фашистских движениях «религиозному духу, который так хорошо согласуется с нашими традициями». Однако и те и другие твердо были убеждены, что «националистическая Испания» должна стать «идеологически ориентированным обществом», где определяющей формой идеологии призван быть фашизм. Франко и его ближайшее окружение, напротив, полагали, что «только католическая церковь является в какой-то мере объединяющей связью»¹⁷ и что новые институты должны быть проникнуты специфическим духом католицизма, а сама Испания может быть только католическим государством. Католическая церковь вновь получила огромные привилегии. Было восстановлено, в частности, церковное преподавание во всех школах. Первым франкистским министром просвещения стал карлист Педро Саэнс Родригес, а с 1939 по 1951 г. этот пост неизменно занимал Хосе Ибаньес Мартин,

¹² Ibid., S. 156.

¹³ R. Serrano Suñer. Op. cit., p. 42.

¹⁴ «National Zeitung», 9.VII.1940.

¹⁵ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. III. Германская политика и Испания (1936—1943 гг.). М., 1946, стр. 63.

¹⁶ C. M. Rama. Ideología, regiones y clases sociales en la España contemporánea. Montovideo, 1963, p. 38.

¹⁷ «Документы министерства иностранных дел Германии», стр. 64.

в прошлом депутат кортесов от СЭДА и ревностный католик. И фаланге пришлось смириться с тем, что ей не была дана монополия на «духовную жизнь» и идейное воспитание молодого поколения.

Не было единомыслия и в отношении к монархии. «Старые» фалангисты отрицательно относились к восстановлению монархии, в то время как карлисты и прочие монархисты противились созданию корпоративного авторитарного немонархического государства.

И все же объединенная фаланга не была лишь искусственным соединением абсолютно разнородных элементов, как считает весьма влиятельный испанский историк буржуазно-либерального направления С. Мадарьяга¹⁸.

В течение всей гражданской войны и последующего десятилетия центробежные тенденции отдельных компонентов новой фаланги проявлялись весьма незначительно. Ее члены были едины в своей ненависти к республиканской Испании. Эта ненависть и желание всеми средствами отстоять классовые привилегии землевладельческой аристократии и финансовой олигархии страны цементировали эту партию сторонников диктаторского режима. В равной степени всем им был свойствен воинствующий антикоммунизм, отрицание конституционно-демократических институтов вплоть до ликвидации самой системы политических партий. А к большей унификации руководители франкистского государства и не стремились, полагая, что соперничество между фалангистами и монархистами должно сохраниться как необходимое условие проводимой Франко политики «баланса сил». Отдавая должное поддержке монархистов всех тенденций и принимая во внимание их влияние в мире землевладельческой аристократии, в армии и на верхних ступенях церковной иерархии, глава государства вместе с тем пытался уравновесить их «старыми» фалангистами как в высших органах фаланги, так и в системе государственного управления.

Из 50 членов первого Национального совета, назначенного Франко 19 октября 1937 г., лишь 20 были в прошлом фалангистами. Остальные места в этом органе распределялись так: 11 карлистов, 5 военных высшего ранга, 14 монархистов и других бывших членов консервативных группировок¹⁹. В сформированный 30 января 1938 г. первый кабинет вошли два монархиста — генерал Гомес Хордана, министр иностранных дел, и Андрес Амаго, министр финансов; два карлиста — Родесно, министр юстиции, и Педро Саанс Родригес, министр просвещения; два фалангиста — Раймундо Фернандес Куэста, генеральный секретарь фаланги, и Гонсалес Буэно, министр труда. Генерал Давила получил пост военного министра, генерал Мартинес Анидо — министра общественного порядка; Серрано Суньер — министра внутренних дел; Хуан-Антонио Суапчес, инженер, друг Франко с отроческих лет, — министра торговли и промышленности. Но функции фаланги далеко не исчерпывались ролью необходимого компонента в политике «баланса сил». Проводя политику физического уничтожения наиболее последовательных противников франкистского режима, строго изолируя всех недовольных, франкисты возлагали большие надежды на фашизм с его изощренной социальной и националистической демагогией.

Шла гражданская война, ожесточенность, размах и продолжительность которой обуславливались беспрецедентной иностранной интервенцией держав «оси». В это же время на республиканской территории свершалась и глубокая демократическая революция. Испания «превратилась в течение войны в народную республику без крупных капиталистов, без помещиков, без реакционеров, республику, которая опиралась на народные массы и на регулярную народную армию»²⁰. 7 октября 1936 г. декрет об аграрной реформе, осуществленный под руководством министра-коммуниста В. Урибе, о конфискации земли у врагов республики покончил с помещичьим землевладением — 380 тыс. крестьянских семей получили почти 5,5 млн. га земли²¹. Промышленные предприятия и основные виды транспорта находились в руках рабочих. Развертывалась культурная революция. И тем силам, которые стояли за Франко, приходилось

¹⁸ S. Madariaga. Spain. London, 1947, p. 394.

¹⁹ «*Arriba*», 22.X.1937.

²⁰ Х. Д и а с. Об уроках войны испанского народа (1936—1939). — «*Большевик*», 1940. № 4.

²¹ «*La reforma agraria en España*». Valencia, 1937, p. 61—65.

учитывать эти нежелательные для них факторы хотя бы в официальных декларациях и документах.

В ближайшем окружении каудильо господствовало убеждение, что в условиях гражданской войны надо делать ставку только на «традиционно правящие элементы» в политической и экономической сфере, т. е. на финансовую и промышленную олигархию, земельную аристократию, армию и епископат. Вместе с тем советники Франко, типа Серрано Суньеры, разделяя в общем эти убеждения, пытались внести некоторые коррективы, касающиеся скорее формы, нежели существа дела, полагая, что новым временам больше соответствуют «новые формы» авторитарного государства, образом которого они считали государство фашистского типа, и такое правительство, где бы фалангисты играли видную роль. В этом франкисты, подобные Серрано Суньеру, видели залог благосклонного отношения гитлеровской Германии и фашистской Италии, без помощи которых победа в гражданской войне была в их глазах невозможной. В итоге законодательство франкистов, определившее основы франкистского государства, представляло собой своего рода компромисс между этими точками зрения.

Поверенный в делах хортистской Венгрии при правительстве Франко Водианер в 1938 г. неоднократно отмечал в донесениях, что ощущается скрытая напряженность в правящих верхах. Сторонники фаланги считали, что Франко «в области социальной недостаточно радикален»²².

Мелкобуржуазные и люмпенпролетарские слои, составлявшие массовую базу фаланги²³, всерьез принимали обещание провести социальные реформы, которым уделялось немало места в программе и других документах фаланги. Однако осуществление этих реформ ни в коей мере не входило в планы Франко и тех, кто за ним стоял, — латифундистов, представителей финансовой олигархии, церкви и генералитета.

Весной 1938 г. в кабинет министров были внесены два «проекта решения социальных проблем». Авторами первого были министр труда фалангист Гонсалес Буэно и клика консерваторов-технократов, как именовали фалангисты экономических экспертов финансового мира. Второй проект разработали профессор экономики Вальядолидского университета Хаокин Гарригес и известный экономист Франсиско Ксавьер Конде и фалангист Ридруехо. Этот второй проект, в котором предлагалось ввести контроль синдикалистской системы над национальной экономикой, кабинет министров признал негодным. Министры полагали, что демагогические приемы уместны в пропаганде, но не в реальной политике. Первый проект, более консервативный и патерналистско-капиталистический по своей природе, направили для дальнейшего обсуждения в Национальный совет фаланги. Но там военные и карлисты оценили его как излишне «радикальный»²⁴. Вообще все проекты, относившиеся к социально-экономической сфере, подвергались самой придирчивой редакции в министерствах и руководящих органах фаланги. Национал-синдикалистская фразеология, которой еще грешили контролируемые Д. Ридруехо и А. Товаром пресса и радиопередачи, заменялась в официальных документах формулировками консервативного толка. В полной мере это относится к декрету от 19 марта 1938 г., утвердившему «Хартию труда», документ, подготовленный Гонсалесом Буэно и отредактированный в Национальном совете фаланги. Корпоративизм, этот модернизированный вариант средневековых цеховых устоев, изобразившийся фалангистской пропагандой как панацея от всех социальных зол, был возведен в степень государственной политики. Учреждавшиеся вертикальные синдикаты, объединявшие рабочих и предпринимателей по отраслям производства, наделялись правами государственных организаций. Рабочие теряли право на забастовку, а все вопросы, связанные с регулированием трудовых отношений, объявлялись прерогативой государства²⁵. К практическому созданию вертикальных синдикатов франкисты приступили уже после поражения Республики. Декрет от 9 августа 1939 г. разъяснял, что должности различных степеней в синдикате обязательно замещались активистами фаланги. Всего к середине сентября 1940 г. было создано 26 национальных синдикатов. Пропа-

²² Цит. по: Я. Е м н е ц. Венгерские дипломаты о развитии испанского фашизма. — «Проблемы испанской истории». М., 1971, стр. 78.

²³ По данным, опубликованным в газете «*Argiba*» от 6 января 1937 г., 50 тыс. фалангистов находились в отрядах милиции на фронте и 30 тыс. — в тылу.

²⁴ S. P a u n e. Op. cit., p. 197.

²⁵ «Конституция буржуазных государств Европы». М., 1957, стр. 506—507.

гандисты фаланги, комментируя декрет, пытались убедить, что замена понятий «рабочий» и «работодатель» общим понятием «производитель» приведет якобы к отмиранию классов и классовой борьбы. Диктаторский режим, утвердившийся в стране после трех лет ожесточенной гражданской войны, остро нуждался в широком распространении и укоренении этих иллюзий. Но даже по признанию английского буржуазного историка С. Пейна, синдикалистская система была отрегулирована так, чтобы наиболее полностью удовлетворять потребности капиталистов²⁶. Большинство кадровых рабочих, принудительно включенных в вертикальные профсоюзы, сохранили верность идеалам своих прежних, классовых профсоюзов и не могли примириться с тем, чтобы созданные франкистами организации были лишены функций защиты классовых интересов пролетариата. Оставаясь до поры до времени в тени, особенно в первые, самые тяжелые годы диктатуры, многие из них впоследствии вступили на путь борьбы с вертикальными профсоюзами. Не случайно, что уже после внедрения системы вертикальных профсоюзов 29 марта 1941 г. был принят закон «О безопасности государства», 44-я статья которого предусматривала длительное тюремное заключение для забастовщиков, и в первую очередь для организаторов и руководителей стачек²⁷.

В фалангистских органах печати в те годы немало писалось о «новой Испании», но даже посол фашистской Германии Шторер на вопрос, как он находит «новую Испанию», ответил: «Когда я ее найду, я сообщу об этом Вам»²⁸. «Новая Испания» существовала только в области риторики. Универсальным оружием создаваемого франкистами государства был террор. Массовые убийства всех, кто не принял диктаторского режима, осуществлялись не только репрессивными органами государства, но и руками десятков тысяч фалангистских молодчиков.

Фрондирующие фалангисты, упрекавшие Франко в «узурпации власти», поощряли кровавый террор, творимый отрядами фалангистской милиции. В ноябре 1939 г. труп Примо де Ривера был извлечен из могилы в Аликанте и перенесен в алтарь храма в Эскориале, где хоронили только испанских королей. Отряды фалангистов на всем пути от Аликанте до Эскориала оставляли кровавый след. Им были расстреляны сотни антифашистов²⁹.

Единственное, что удручало фалангистов, — это «недополучение» власти. Оно было причиной всех конфликтов и трений между Франко и фалангой. В начале лета 1938 г. Д. Ридруехо предпринял попытку добиться для фаланги большей власти. Доказывая неизбежность возрастания роли фаланги в государстве, шеф пропаганды предложил вернуть фалангистской милиции прежний статут, т. е. вывести ее из-под контроля армии. Инициатива Ридруехо вызвала гнев военных. Тогда тот обратился к Франко, убеждая его, что поднятие престижа фаланги неизбежно укрепит престиж и самого каудильо как главы партии. Но Франко полностью разделял позицию армии, и демарш Ридруехо лишь усилил его подозрительность к «старым рубашкам», так теперь стали называть тех, кто был членом фаланги еще до апреля 1937 г.

Это совпало с полученными Франко сведениями, что А. Аснар и Ф. Велес готовят заговор против него³⁰. Предложение Ридруехо Франко воспринял как идеологическую подготовку заговора. Вскоре Аснар и Велес были арестованы. «Эти аресты, — заметил Водьянер, — произвели сенсацию, тем более что названные были членами большого совета основанной Франко объединенной партии и даже ее политбюро из 12 членов»³¹. 1 июля было официально объявлено об отставке Аснара и Велеса. Фалангисты ожидали новых арестов, однако их не последовало. Франко не видел никакой необходимости в массовых репрессивных мерах против фалангистов. Для ликвидации фалангистской фронды был избран надежный путь интеграции «старых рубашек» в бюрократический мир франкистского государства.

²⁶ S. Payne. Op. cit., p. 201.

²⁷ S. Villar. Protagonistas de la España democrática. Paris, 1968, p. 32.

²⁸ DGFP, vol. III, p. 843.

²⁹ См. X. Гарсиа. Испания XX века. М., 1967, стр. 277.

³⁰ С. Пейн. считает это обвинение ложным. — S. Payne. Op. cit., p. 185. Но современник событий, поверенный в делах Венгрии Водьянер с уверенностью писал, что фалангистские лидеры готовили путч с целью удаления Франко. — Я. Еминец. Указ. соч., стр. 78.

³¹ Там же, стр. 79.

Штаты вертикальных синдикатов были укомплектованы исключительно фалангистами. Фалангисты-«старорубашечники» осуществляли контроль не только над социальными службами «Испанской традиционалистской фаланги», но и над таковыми в различных министерствах. Аппарат функционеров объединенной фаланги составляли исключительно фалангисты-«старорубашечники». Он с годами разрастался: практически все службы министерств дублировались соответствующими службами фаланги. Весьма незначительно представленные в высших звеньях государственного аппарата, фалангисты вместе с тем буквально заполняли различные ступени иерархии в провинциальной администрации. Со временем, однако, многие фалангисты получили посты и в высшей администрации. Это надежно привязывало их к франкистскому государству. К тому же «старорубашечники» вскоре перестали составлять большинство в фаланге, она была наводнена людьми, не входившими прежде ни в какую партию.

Армейские офицеры, например, *ipso facto* (в силу очевидного факта) становились членами фаланги, как и чиновники, занимавшие более или менее ответственные посты. По декрету от 1 октября 1938 г., все, кто был подвергнут тюремному заключению на территории Республики по политическим мотивам, автоматически становились членами «Испанской традиционалистской фаланги»³². По признанию Серрано Суньера, «подавляющую часть партии составляли не более чем номинальные члены»³³. Но это, по-видимому, не противоречило взглядам Франко и его окружения на фалангу.

Декретом от 16 ноября 1938 г. был официально установлен культ Хосе Антонио Примо де Ривера. Отныне день его смерти 20 ноября объявлялся днем национального траура. «Отсутствующий» («Ausente»), как именовался теперь основатель фаланги во время торжественных церемоний, считался символом и «святым патроном» диктатуры. В торжественных случаях каудильо считал целесообразным появляться в фалангистском костюме. Но в государственной политике он неукоснительно соблюдал «баланс сил», широко применяя принцип «разделяй и властвуй».

Любопытно отметить, что при решении ключевых проблем внутренней и внешней политики явное предпочтение отдавалось не фалангистским демагогам, а людям, знающим какую-либо отрасль хозяйства или управления, — финансовым дельцам и бизнесменам, генералам, чиновникам высшего ранга различных ведомств. Как пишет советский экономист Х. Висенс, «чтобы спасти строй, в котором черты развитой капиталистической экономики (монополистический капитал) сочетаются с отсталыми формами полуфеодальных отношений, а также со значительной политической ролью помещичьего класса, франкистская диктатура стала глубоко вмешиваться в экономику»³⁴.

Серия так называемых законов об индустриализации 1939—1941 гг. положила начало созданию системы «самообеспечивающейся экономики». Автаркия была вынужденным шагом, обусловленным второй мировой войной и экономической блокадой, которую временами весьма жестко применяли по отношению к Испании западные державы. Но вместе с тем это создавало благоприятные условия для испанского монополистического капитала. Среди законов, определявших границы вмешательства государства в экономику в интересах монополистического капитала, особое место занял закон от 25 сентября 1941 г. об образовании «Института национальной промышленности», который должен был «направлять и финансировать создание и воссоздание национальной индустрии»³⁵. Он был подчинен вначале непосредственно Франко, а затем его возглавлял по 1963 г. Саунчес. Таким образом, при создании государственного монополистического сектора экономики Франко использовал идеи фаланги, но пропускал их сквозь сито прагматизма и реальных интересов правящей элиты.

За годы гражданской войны в стране фаланга превратилась из полуоппозиционной партии, соперничавшей с Франко в борьбе за монополию власти, в надежную его опору. После 1939 г. фаланга активно включилась в фашистскую «реконструкцию» страны и была не только деятельным проводником, но порой и инициатором правительственной политики террора.

8 августа 1939 г. стало известно об отставке Фернандеса Куесты, направленного послом в Рио-де-Жанейро. Был сформирован второй правительственный кабинет. Но-

³² «Boletín del Movimiento», 10.X.1938.

³³ R. Serrano Suñer. Op. cit., p. 60.

³⁴ «Социально-экономические проблемы истории Испании». М., 1965, стр. 312.

³⁵ R. T a m a m e s. Estructura economica de España. Madrid, 1969, p. 230—236.

вым генеральным секретарем фаланги и руководителем милиции назначался генерал Муньос Грандес, принадлежавший к тому большинству в армии и фаланге, которое полагало, что лидерство Франко в период гражданской войны дает ему мандат на управление Испанией в течение ближайшего будущего. Из девяти постоянных членов политической хунты только один Ридруехо представлял «старую гвардию», остальные либо вступили в фалангу относительно недавно (среди них — младший брат основателя фаланги Мигель), либо числились до недавнего времени монархистами, карлистами и т. д. Два члена политической хунты, Д. Карсельер и Блас Перес, были известны своими тесными связями с финансовым миром. Но зато фалангисты получили еще один пост в правительстве — Санчес Масас был назначен министром без портфеля, а Мигель Примо де Ривера стал провинциальным «хефе» Мадрида.

1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. 4 сентября 1939 г. Франко подписал декрет о нейтралитете. 12 июня 1940 г. статус нейтралитета был заменен статусом «невоюющей стороны». С переходом к статусу «невоюющей стороны» внешнеполитические задачи стали превалировать над внутриполитическими. По собственному признанию Франко, статус «невоюющей стороны» означал форму симпатии к странам «оси». Однако это, по мнению молодежного большинства фаланги, было недостаточно действенным шагом: пронацистски настроенные фалангисты рвались к войне. Во время беседы с Риббентропом в Берлине 16 сентября 1940 г. Серрано Суньер обратил внимание своего собеседника на молодых членов фаланги как на наиболее активных сторонников вступления Испании в войну³⁶.

Руководители фашистской Испании в то время отдавали себе отчет в том, что вовлечение обескровленной и еще не до конца «умиротворенной» Испании в войну неизбежно обернется катастрофой для режима. В то же время франкисты опасались дать отрицательный ответ на настоячивые призывы Берлина вступить в войну: диктатура своим существованием была обязана гитлеровской Германии и фашистской Италии. Державы «оси» в то время были единственной внешнеполитической опорой франкистского режима. Франко поощрял прогерманские демонстрации фалангистов и пронацистскую кампанию в прессе, однако в вопросе о вступлении в войну явно отдавал предпочтение точке зрения военных. «Большинство военных, — доносил в Берлин Шторер, — высказываются против войны главным образом по причине экономической разрухи, а также из-за дефектов в военной подготовке»³⁷.

Во второй половине января 1941 г. Германия усилила нажим на Испанию. 21 января 1941 г. Риббентроп довел до сведения Шторера: «Если каудильо не примет решения немедленно вступить войну на стороне держав «оси», правительство рейха не может не предвидеть конец националистической Испании»³⁸. Но вступить в войну Испания не могла. 6 февраля 1941 г. Шторер доносил в Берлин: «Внутреннее положение в Испании стало еще более острым в последние три недели ... Не исключены голодные бунты. Озлобление народа оправдано, в частности, тем, что один-два миллиона красных все еще содержатся в заключении, узники скудно питаются, а их семьи умирают от голода»³⁹.

Соответствующий нажим был оказан и через заграничную секцию нацистской партии. Шеф германских нацистов в Испании Томсон еще в 1940 г. установил связь с подпольной политической хунтой фаланги, возглавлявшейся подполковником Э. Тардучи. Последний был ветераном фаланги и «Испанского военного союза» и считал себя незаслуженно обойденным. В руководящую группу хунты входили почитатели нацизма журналист Патрисио Каналес и официальный лидер ветеранов гражданской войны Хосе Антонио Хирон. Политическая программа хунты копировала нацизм. Хосе Антонио Хирон установил связь с генералом Ягуэ, который также считал себя обойденным. Хунта обратилась к Томсону с просьбой информировать Берлин о своем намерении установить в Испании национал-социалистский режим в «чистом виде» и устранить Франко, для чего необходима помощь Германии. В обмен Тардучи обещал вступление Испании в войну на стороне Германии. Каналес позднее утверждал, что хунта готова

³⁶ «Документы министерства иностранных дел Германии», стр. 137—138.

³⁷ DGFP, vol. XII, p. 612—613.

³⁸ DGFP, vol. X, p. 1157—1158.

³⁹ DGFP, vol. XII, p. 36—37.

была убить не только Суньера, но и самого Франко. Однако все кончилось тривиально: адъютант Ягуэ донес на своего генерала, и хунта выпущена была бить отбой. Франко не принял никаких мер против заговорщиков, ограничившись личной беседой с Ягуэ⁴⁰. Он расценил это как ссору среди «своих». Тем не менее всякий раз, когда между армией и фалангой возникал конфликт, Франко неизменно становился на сторону военных. 5 мая 1941 г. полковник В. Галарса, противник «старорубашечников», был назначен на пост министра внутренних дел. Галарса попытался дисциплинировать фалангистскую «вольницу», какой до сих пор оставалась фалангистская милиция. В ответ 10 провинциальных «хефе» фаланги демонстративно ушли в отставку. Вслед за тем в «*Aggiba*» появилась статья, содержащая оскорбительные намеки, касавшиеся Галарсы. Автором статьи был Д. Ридруехо, постоянный член политической хунты, фаворит Суньера, официальный директор отдела пропаганды в министерстве внутренних дел. Санкцию на публикацию статьи дал Товар, субсекретарь прессы в фаланге, ответственный за выпуск «*Aggiba*». Франко немедленно уволил в отставку обоих. Генеральным секретарем был назначен Хосе Луис Арресе, по профессии архитектор, «хефе» провинции Малага. Это означало своего рода уступку военным, ненавидевшим и завидовавшим «*куньядисимо*» (от испанского слова «*куньядо*» — шурин; Суньер — муж сестры Франко), который был в то время и президентом политической хунты, и министром иностранных дел, и шефом правительственной и партийной прессы⁴¹. Франко считал Арресе неспособным к политической интриге и вместе с тем достаточно надежным, чтобы покончить с фрондерством в фаланге. Арресе оправдал возлагавшиеся на него надежды. Сторонник компромисса, он неустанно крепил связь между фалангой и армией⁴². Фаланга была поставлена на место. Но дальнейшее ее притеснение не входило в намерения Франко. Эта организация была опорой его режима. Назначение фаланги состояло в том, чтобы держать массы в узде с помощью террора и контролируемых ею вертикальных синдикатов. 19 мая 1941 г. фалангисты получили два новых поста в правительственном кабинете — Хосе Антонио Хирон стал министром труда, Мигель Примо де Ривера — министром сельского хозяйства.

Начиная с марта 1941 г. Берлин ослабил нажим на Испанию, поскольку Германия в это время уже глубоко увязла в подготовке войны против СССР. После разбойничьего нападения на Советский Союз в Берлине полагали, что Испания с минуты на минуту станет активной воюющей стороной. 22 июня 1941 г. Серрано Суньер сообщил Штореру, что нападение Германии на Советский Союз якобы «вызвало величайший энтузиазм в Испании». Суньеру следовало бы уточнить: в рядах фаланги. Он обратился к гитлеровцам с просьбой дать возможность добровольцам-фалангистам принять участие в борьбе против коммунизма в память о той «братской помощи», которую гитлеровская Германия оказывала Франко во время гражданской войны 1936—1939 гг.⁴³ Два дня спустя Риббентроп известил Шторера, что «германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги»⁴⁴. В тот же день Суньер обратился к членам фаланги с призывом вступать в добровольцы. Была развернута широкая пропагандистская кампания. Правда, с первоначальным замыслом формирования добровольческого соединения исключительно из членов фаланги Суньеру пришлось расстаться. «Из-за соперничества фаланги и армии добровольцы будут набираться не только из фалангистов, но и из легиона, связанного с армией», — доносил Шторер в Берлин⁴⁵.

Испанская «голубая дивизия» (идея создания дивизии принадлежала лидерам фаланги, поэтому ее и стали называть «голубой») была сформирована в самые сжатые сроки: 13 июля первый эшелон «добровольцев» отбыл в Германию, в лагерь под Графенвером. Получив обмундирование — немецкую пехотную форму с особым нарукавным знаком, где на фоне государственного флага Испании был изображен фалангист-

⁴⁰ S. P a u n e. Op. cit., p. 213—215.

⁴¹ 6 февраля 1941 г. Шторер доносил в Берлин: «Военные усиливают свою борьбу против министра иностранных дел Серрано Суньера и в то же время непосредственно против генералиссимуса». — DGFP, vol. XII, p. 36—37.

⁴² J. A r r e s e. Escritos y discursos. Madrid, 1948, p. 41—47, 89—95.

⁴³ DGFP, vol. XII, p. 1080—1081.

⁴⁴ Ibid., p. 1081.

⁴⁵ DGFP, vol. XIII, p. 16—17.

ский герб и надпись «Испания», и приняв присягу верности Германии, дивизия направилась к границам Советского Союза. 250-я пехотная дивизия вермахта — так официально называлась «голубая дивизия» — 14 октября 1941 г. походным порядком после 47-дневного перехода прибыла в район Новгорода. Командовал дивизией Муньос Грандес, бывший генеральный секретарь фаланги, в дальнейшем его сменил бригадный генерал Э. Эстебан Инфантес. Готовясь к штурму Ленинграда, предполагавшемуся в сентябре 1942 г., командование немецкой группы армий «Север» подтянуло к городу ряд новых соединений, в том числе и «голубую дивизию».

5 сентября 1942 г., как раз в те дни, когда дивизия занимала позиции на Колпинском участке Ленинградского фронта, Гитлер в очередной «застольной» беседе доверительно сообщил сотрапезникам: «Я думаю, что одним из наших лучших решений было разрешение испанскому легиону сражаться на нашей стороне. При первой же возможности я награжу Муньоса Грандеса железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это окупит себя. Любые солдаты всегда любят мужественного командира. Когда придет время для возвращения легиона в Испанию, мы по-королевски вооружим и снарядим его. Дадим легиону гору трофеев и кучу пленных русских генералов. Легион триумфальным маршем вступит в Мадрид, и его престиж будет недостижим»⁴⁶. Это «обещание» Гитлера постигла та же участь, что и прочие его «пророчества».

Но почему же Гитлер собирался придать «голубой дивизии» «недостижимый престиж» именно в момент возвращения в Испанию? Его настораживало явное тяготение лидеров «новой» фаланги к реставрации монархии и значительное влияние в Испании католической церкви. Политикам из клики Суньера, клерикалам, тайным и явным монархистам он намеревался противопоставить идеалистов «старой фаланги», не признававшим, как он считал, ни на небе, ни на земле иного бога, кроме фашизма. А фалангист Муньос Грандес с его дивизией был, по мнению Гитлера, как раз тем человеком, который мог бы «улучшить» ситуацию в Испании. Но напрасно Гитлер возлагал надежды на «голубую дивизию» в том составе, в каком она была к осени 1942 г., как на гранитный бастион фашизма приемлемого для него типа: к этому времени от первоначального состава дивизии остались лишь номер да нарукавный знак⁴⁷.

Среди солдат и офицеров первого формирования дивизии действительно было немало фанатиков-фалангистов (до 80% личного состава⁴⁸) и кадровых военнослужащих франкистской армии, сжигаемых ненавистью к республиканцам и их друзьям, прежде всего к СССР. Из них немногие остались в живых, а те, кто уцелел, начали понемногу утрачивать веру в победу гитлеровского оружия. А иные и прозрели. Среди последних был член политической хунты рядовой Д. Ридруехо. После нескольких месяцев пребывания на фронте он писал: «В моей жизни русская кампания сыграла положительную роль. У меня не только не осталось ненависти, но я испытывал все нарастающее чувство привязанности к народу и земле Русской. Многие мои товарищи испытывали те же чувства, что и я. Короче говоря, я вернулся из России очищенным от скверны, свободным поступать по велению своей совести»⁴⁹.

Прозрение Ридруехо дорого обошлось ему. Он и поныне живет в Испании под строгим политическим надзором. А радио Испании до недавнего времени каждое утро передавало официальный гимн «Лицом к солнцу», слова которого в дни юности написал все тот же Ридруехо ...

Командование и уполномоченные фаланги были крайне обеспокоены подобными настроениями. Фалангистам неустанно разъясняли, что главная их задача на фронте — разоблачать бывших республиканцев и вскрывать «вредные настроения» среди солдат⁵⁰. Созданная в первые дни после сформирования дивизии система слежки за солдатами действовала на протяжении всего периода существования дивизии. За обвинением в политической неблагонадежности обычно следовало отправление в Испанию и тюремное заключение.

⁴⁶ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944». New York, 1953, p. 644.

⁴⁷ Согласно Э. Эстебан Инфантесу, к августу 1942 г. потери в «голубой дивизии» составили 14 тыс. человек. — «Blaue Division». Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Hamburg, 1958, S. 61—95.

⁴⁸ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 178.

⁴⁹ D. R i d r u e j o. Escrito en España. Buenos Aires, 1964, p. 109.

⁵⁰ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 12, л. 77.

В то время как «голубая дивизия», созданная по инициативе фаланги, вносила свой кровавый вклад в борьбу объединенных сил европейского фашизма против Советского Союза, фаланга в самой Испании всячески способствовала укреплению террористического, антинародного режима в стране.

Не возлагая особых надежд на «перевоспитание» поколения, пережившего революцию и гражданскую войну, руководители фаланги уделяли повышенное внимание молодежи, которая пришла на фабрики и заводы взамен сотен тысяч кадровых рабочих, погибших на фронтах, расстрелянных «победителями», изолированных от общества в тюрьмах и концлагерях, вынужденных эмигрировать. Однако развитие событий показало, что плоды фалангистского «просвещения» так никогда и не созрели, и многие, кого фалангисты пытались отравить ядом своей пропаганды, оказались в рядах тех, кто во время массовых студенческих волнений начиная с весны — лета 1956 г. скандировал: «Франко нет!»

При Арресе аппарат фаланги настолько разросся, что функции различных служб фаланги, как правило, дублировали службы большинства министерств. Но на местах начиная с 1941 г. произошло фактическое слияние государственного и партийного аппарата: пост гражданского губернатора занимал, обычно, «хefe провинциаль» фаланги. В соответствии с декретом от 28 ноября 1941 г. была проведена очередная реорганизация фаланги: образовались четыре главных управления, каждое из которых возглавлялось вице-секретарем фаланги⁵¹.

Арресе, проводя последовательную политику обеспечения «тепленьких местечек» за всеми фалангистами, достиг определенных успехов в консолидации фаланги, в преодолении трений между «старыми» и «новыми» рубашками. «Члены фаланги имеют все необходимое, в то время как население нуждается», — отмечал мадридский корреспондент цюрихской газеты «Die Weltwoche» 11 июня 1942 г.

И тем не менее фалангистские лидеры подозревали всех и каждого в «нелояльном» образе мышления и в «красном» прошлом. Арресе считал нужным принять превентивные меры по очищению организации от «скверны». Основными критериями фалангистской чистоты были признаны безукоризненное, с фашистской точки зрения, прошлое и не вызывающая сомнения преданность лично каудильо и основным принципам «национального движения»⁵².

Эта чистка не коснулась фалангистских «ультра», для которых нацистская Германия была образцом решения всех внутренних и внешних проблем. «В этой группе господствовало представление о том, что все беды и недостатки в Испании, включая нищету и социальную несправедливость, происходят главным образом из-за подчинения англо-французской гегемонии», — отмечал Ридруехо, сам когда-то входивший в эту группу. С победой держав «оси» связывалось создание единой Европы, независимой и могучей, в которой Испания (не известно только каким образом) сможет играть важную роль⁵³. С этой группой постоянно поддерживали тесную связь агенты VI отдела гитлеровского Главного управления имперской безопасности, которые умело подогревали пронацистские настроения ее членов. Именно в этой среде и возник заговор, кульминационным пунктом которого стал инцидент в Бильбао 14 августа 1942 г.

После окончания мессы в церкви Св. Девы Бегоньи в память традиционалистов, павших во время гражданской войны, ветераны-карлисты устроили своеобразную демонстрацию, выкрикивая лозунги типа «Да здравствует король!». В ответ фалангист Домингуес бросил ручную гранату туда, где стоял военный министр Варела, карлист, старый враг фаланги и к тому же, по твердому убеждению гитлеровских агентов, англофил. Шесть человек из свиты Варелы были ранены. Но сам он остался жив. Франко прервал традиционное турне по провинциям, возвратился в Мадрид и потребовал немедленного расследования. Августовские события оказались для Франко весьма своевременными. Летом 1942 г. правящие круги сочли необходимым перейти к курсу на постепенную внешнеполитическую переориентацию. Именно с Суньером ассоциировалось проведение открытой прогерманской и пронацистской линии, и Франко, воспользовавшись тем, что во время следствия были выявлены связи Суньера с заговорщиками,

⁵¹ «Informaciones», 30.XI.1941.

⁵² «El Alcazar» (Madrid), 26.II.1942.

⁵³ D. R i d r u e j o. Op. cit., p. 108—109.

дал ему отставку. После этого фаланга утратила возможность оказывать непосредственное воздействие на внешнеполитический курс, но внутри страны ее позиции не были поколеблены. Более того, именно в эти годы возрастает роль фаланги в системе франкистского государства.

17 июля 1942 г. Франко, выступая с традиционной речью перед Национальным советом фаланги, с раздражением говорил о «нечестном и нелояльном поведении некоторых испанцев»⁵⁴. На неизбежность существования «весьма значительного, хотя и скрытого течения против Франко»⁵⁵ неоднократно обращали внимание мадридские корреспонденты западноевропейских газет, аккредитованные в «нейтральной» Испании. «Большинство населения неизменно остается «красным», хотя между отдельными группами «красных» «существуют глубокие расхождения», — отмечал корреспондент цюрихской газеты «Die Weltwoche» 12 июня 1942 г. Для автора статьи «красными» были все, кто не смирился с фашизмом. В горах Андалузии, Астурии и Леона продолжали действовать партизанские отряды, созданные там сразу после захвата франкистами этих областей в годы гражданской войны. Коммунистическая партия Испании поддерживала связь с партизанами. По сравнению с другими запрещенными политическими партиями ей удалось добиться наибольших успехов в создании сети нелегальных организаций. «Испанских коммунистов насчитывалось не очень много, но они были единственной группой в Испании ... которую отличала хорошая организованность и дисциплинированность», — отмечал посол США в Испании К. Хейс⁵⁶. К началу 1942 г. стали возрождаться первые подпольные группы анархосиндикалистов и социалистов. В конце 1943 г. полиция разгромила подпольную группу каталонских националистов и арестовала среди других Х. Корнудейя, находившегося в подполье с 1940 г.⁵⁷ Однако старые распри, которые так существенно ослабили способность республиканцев к сопротивлению в последний период гражданской войны, не были забыты, что в конечном счете снижало эффективность антифранкистской оппозиции. Компартия не оставляла надежды на объединение всех сил, выступавших против франкизма. «Значение переживаемого нами периода обязывает отметить разделявшие нас до нынешнего дня разногласия, ненависть и страсти», — призывал ЦК КПИ в манифесте в сентябре 1942 г.⁵⁸ Но даже разобщенная, антифранкистская оппозиция мешала существовавшему в стране режиму обрести ту политическую стабильность, на отсутствие которой обращали внимание послы иностранных держав и мадридские корреспонденты зарубежных газет.

Серьезное беспокойство руководителям франкистского государства внушали и настроения части интеллигенции. К. Хейс пишет о весне и лете 1942 г. как «о времени настоящей эпидемии студенческих бунтов»⁵⁹. Отдавая предпочтение привычным методам подавления, правящие круги страны вместе с тем возлагали особую роль в «сдерживании крамолы» на фалангу.

31 июля 1943 г. франкисты издали особый закон, по которому университет должен был приспособить свою деятельность к программе фалангистского движения. «Не может быть назначен на кафедру тот, — гласил закон, — кто не подчиняется основным принципам фалангистского движения. Все студенты должны входить в Единый университетский синдикат [создан в 1943 г.]»⁶⁰. Контрольные функции фаланги расширились — помимо вертикальных синдикатов фалангисты отныне включили в сферу своего надзора и университеты.

Чем больше укреплялось намерение Франко отцепить свою колесницу от держав «оси», тем явнее становился двойной счет в оценке фаланги и характера режима для внутреннего и внешнего потребления. Переломным стал 1943 г., год Сталинградской и Курской битв. Под влиянием неблагоприятного для гитлеровской Германии хода военных событий участились попытки замаскировать для внешнего мира фран-

⁵⁴ Цит. по: G. H i l l s. Franco. The Man and his Nation. New York, 1967, p. 356.

⁵⁵ «News Chronicle», 19.I.1940.

⁵⁶ C. H a y e s. Wartime Mission to Spain 1942—1945. New York, 1945, p. 50.

⁵⁷ S. V i l l a r. Op. cit., p. 32.

⁵⁸ «История Коммунистической партии Испании». М., 1961, стр. 249.

⁵⁹ C. H a y e s. Op. cit., p. 56.

⁶⁰ «Informaciones», 1.VIII.1943.

кистский режим, как якобы не имеющий ничего общего с нацистским⁶¹. Вместе с тем после издания закона об университетах пресса и радио, направляемые фалангой, начали широкую кампанию, требуя подчинить всю идеологическую жизнь страны принципам верности гитлеровской Германии. Президент Рузвельт в письме к послу США в Испании Хейсу обратил внимание на поведение фаланги и испанской прессы, весьма далекое от нейтрального⁶².

И все же 10 октября 1943 г. во время ежегодного большого приема Франко в отличие от прошлых лет определил позицию Испании как нейтральную. Он впервые явился на прием такого рода не в фалангистской форме, а в мундире. За несколько дней до этого пресса получила приказ «сменить тон», а фалангистским лидерам была дана соответствующая инструкция⁶³. Отныне даже в выступлениях Арресе привычное поношение коммунизма отошло на второй план, уступив первое место пропаганде тезиса о том, что фаланга — это совершенно оригинальная организация, способная к перестройке своей деятельности в соответствии с новыми условиями. Страшась санкций со стороны держав антигитлеровской коалиции и отдавая себе отчет в том, что именно фаланга в первую очередь послужит поводом для этих санкций, Франко решил, что пришло время на словах отмежеваться от фашистских доктрин. 24 марта 1945 г., принимая нового американского посла М. Армюра, Франко заявил, что фаланга — вовсе и не политическая партия, а всего лишь объединение лиц, заинтересованных в поддержании порядка, в благоденствии и развитии Испании⁶⁴.

И в то же время не происходило никаких изменений в проводившейся политике репрессий внутри страны. С целью оправдать эту политику пресса и радио, контролируемые фалангой, стали всячески внушать, что Испании угрожает новая гражданская война. За прелюдию гражданской войны выдавался новый подъем антифашистского движения в стране, в авангарде которого шли коммунисты, и оживление деятельности в среде политической эмиграции, особенно во Франции.

Разгром фашизма в мае 1945 г., решающую роль в котором сыграла борьба советского народа и его Вооруженных Сил, привел к глубочайшему кризису фаланги, всей системы фашистской диктатуры в Испании.

19 июня 1945 г. конференция стран — учредительниц Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско отказала в приеме в члены Испании как страны, политический режим которой был установлен при помощи вооруженных сил стран «оси». В Мадриде это решение восприняли как грозный признак надвигающейся международной изоляции. В Сан-Франциско не приняли всерьез обещания испанского правительства «реорганизовать внутреннюю жизнь». Пытаясь предотвратить международную изоляцию, правящие круги Испании не оставляли надежды, что происхождение и характер франкистского режима будут преданы забвению.

Озабоченные прежде всего сохранением существующего в Испании политического и экономического строя, Франко и те, кто за ним стоял, решили ограничить значение фаланги. В июле 1945 г. генеральный секретарь фаланги был лишен министерского портфеля, затем фаланга потеряла право контроля над прессой, был отменен фашистский салют, милиция распущена, портреты Хосе Антонио убраны из официальных мест. Ультраправые партии и группировки, представляющие финансовый капитал и крупных землевладельцев, объединенные в 1937 г. в «Испанской традиционалистской фаланге» (но так и не растворившиеся в ней), по-прежнему занимали решающие позиции в руководстве страной, хотя им уже не вменялось в обязанность именовать себя «фалангистами».

После того, как в мае 1958 г. Франко провозгласил новые принципы «национального движения», сам термин «фаланга» исчез из официального политического словаря. В ночь под новый 1963 год впервые за 25 лет испанское радио опустило в своих новостях ритуальное исполнение фалангистского гимна и возгласа «Arriba España!» («Испания, возродись!»). Официальная испанская пропаганда ныне предпочитает не вспо-

⁶¹ «Foreign Relations of the United States, 1943», vol. II. Washington, 1964, p. 611.

⁶² Ibid., p. 617.

⁶³ Ibid., p. 620—621.

⁶⁴ «Foreign Relations of the United States, 1945», vol. V. Washington, 1967, p. 671.

минать устав фаланги, где та именовалась «вдохновляющим движением и основой испанского государства». Единственной сферой деятельности фаланги оставались вертикальные синдикаты. Но эта антидемократическая иерархическая организация находится в глубоком кризисе. Испанский пролетариат в процессе забастовочной борьбы, которая стала постоянным фактором внутренней жизни страны с конца 50-х годов, создал «рабочие комиссии», своеобразные организации профсоюзной оппозиции. Эти «рабочие комиссии», преобладающее влияние в которых имеет компартия, заставили уже в ходе забастовочного движения 1962—1963 гг. признать себя «де-факто» и полностью лишили силы и влияния вертикальные синдикаты.

Фалангистские руководители вертикальных синдикатов еще пытаются прибегнуть к привычной для них разнузданной демагогии. Но у фаланги практически нет шансов привлечь к себе внимание рабочих, поскольку обещания, данные ею в прошлом, не выполнены, а власти по-прежнему подвергают рабочих жестоким репрессиям. В официальных документах Испания не именуется «национал-синдикалистским» государством, как то было в первые годы диктатуры. Официально Испания с 1947 г. — монархия, а согласно закону от 10 января 1967 г. Испания называется «государством органической демократии». Существующий в стране режим претерпел известную эволюцию, вызванную прежде всего изменением соотношения сил в мире в пользу социализма, а также все нарастающим натиском антифашистской оппозиции. Но Испания тем не менее продолжает оставаться корпоративным антидемократическим государством при сохранении системы личной диктатуры. Термин «фашизм» исчез из официального словаря режима, по его стиль и методы во многом сохранились. Последователи создателя иностранного легиона генерала Астры не кричат больше «Да здравствует смерть!» (официальный лозунг этого легиона). Однако насилие продолжает оставаться весьма ощутимым фактором в жизни испанцев.

Проведенные реформы не удовлетворяют широкие слои антифашистской оппозиции. Не только авангард антифранкистской оппозиции, возглавляемый компартией, но и более умеренные силы, представляющие буржуазные и мелкобуржуазные слои, ставят вопрос о ликвидации антинародной диктатуры.

Эти настроения пытается учесть (конечно, на свой манер) и фаланга. К середине 50-х годов экстремистское крыло фаланги, где большинство составляли ветераны «старорубашечники», стали возвращаться к языку времен Примо де Ривера в надежде, что бытовавшая тогда антиклерикальная и популистская фразеология окажется пригодной для тех, кто переживет падение франкистского режима. В целом же она останется верной ортодоксальным фалангистским, т. е. фашистским, идеям. Лидеры этого крыла задались целью поднять авторитет фаланги прежде, чем Франко уйдет со сцены и тем самым сохранить ее на будущие времена.

Начиная с 1956 г. экстремистское крыло фаланги, состоящее в основном из «старой гвардии», приступило к систематической критике режима и начало нащупывать весьма осторожно возможность установления контактов с наиболее умеренными элементами оппозиции, надеясь со временем выйти из состояния политической изоляции. Но даже не восстановление утраченных позиций, а передача фаланге всей полноты власти — вот к чему стремятся фалангисты. Представление об их требованиях дает письмо признанного лидера так называемого левого крыла фаланги Луиса Гонсалеса Висена, бывшего командира «личной гвардии», (т. е. охраны Франко) генеральному секретарю «национального движения» Арресе: «Национальная хунта фаланги должна стать высшим органом государства с правом назначать кандидатов на министерские посты и с правом наложения вето на любые решения, принятые правительством». Это, по словам Висена, «положит конец деспотизму и личной власти каудильо, сократит влияние армии и церкви и создаст более представительное правительство»⁶⁵. На деле это означало бы открытую фалангистскую диктатуру. Оттеснение фаланги от кормила власти беспокоило и самого Арресе: в послании Национальному совету фаланги он с явным неудовольствием отмечал, что «истинная фаланга» обладает всего лишь 5% руководящих постов в стране (2 — из 16 министров, 1 — из 17 заместителей министров, 8 — из 102 генеральных директоров, 18 — из 50 гражданских губернаторов, 8 — из 50

⁶⁵ «Le Monde Diplomatique», June 1965.

президентов провинциальных управлений, 65 — из 151 члена Национальной хунты фаланги ⁶⁶). Франко был разгневан этим подсчетом. В результате на место Арресе был назначен Хосе Солис, представляющий правое крыло в фаланге.

В 1957 г. Франко уволил в отставку лидера фалангистского юношеского движения и президента университетской студенческой ассоциации, склонных увлекаться старой антикапиталистической демагогией фалангистов. Основные же силы фаланги твердо держат курс на объединение со всем реакционным фронтом, как это и было в 1936 г. Весьма поучительно поэтому напомнить истинную историю испанской фаланги, ее важную роль в создании франкистской диктатуры, этой испанской разновидности фашизма.

⁶⁶ «Hacia una meta institucional». Madrid, 1957.